

И. Дубского "К вопросу о лексико-синтаксической дополнительности испанского языка" является своего рода итогом многолетних исследований автора в области взаимодействия лексики и синтаксиса. В данной работе рассматривается такая существенная черта испанской грамматики, как наличие большого числа десемантизированных глаголов, выполняющих разные функции: образование глагольно-именных комплексов, соответствующих различным способам действия в русском языке, введение в коммуникацию нового субъекта действия (типа *empezar* "начаться"), опорная, или связующая функция (*las ventanas [que dan] a la calle* "окна [которые выходят] на улицу"). Несомненно, данные случаи подтверждают тесную связь семантики и синтаксиса, но представляются все же очень разнородными явлениями, нуждающимися в более углубленной трактовке.

Из других статей укажем на очень полезное в практическом плане исследование функций местоимения *mismo* Х. Гарридо (Мадрид); ряд статей посвящен истории испанского языка и испанского языкознания. В журнале помещены также две статьи по проблемам баскского языкознания. В статье М. Глonti (Тбилиси) "О некоторых названиях дней недели в баскском: четверг и т.д. Оценка этимологий"

рассматривается вопрос о параллельных наименованиях "четверга" в баскском: *eguen* и *ortizegi*; анализируется их семантика, этимология и обсуждается проблема возможного их калькирования с латыни. В статье П. де Иррисара (Мадрид) "Об эволюции баскского языка" показывается одна из тенденций развития баскской грамматической системы: переход от префиксации и суффиксации к одной только суффиксации, к сожалению, никакого типологического объяснения этому явлению мы в статье не находим.

В заключение еще раз отметим важность инициативы польских испанистов в деле установления контактов между учеными Востока и Запада посредством учреждения международного журнала. Хотелось бы высказать пожелание, чтобы последующие номера были более однородны по тематике; это позволило бы сосредоточиться на узловых проблемах иберо-романской и баскской филологии и придать журналу большую теоретическую направленность, что, конечно, не исключает опоры на конкретный материал, которая провозглашена в качестве одного из принципов нового журнала.

Нарумов Б.П.

Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связь с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука, 1991. 144 с.

Монография Н.А. Козинцевой посвящена изучению одного из аспектов актуализации предложения как высказывания, включенного в текст. Реализация смысла опирается на весь комплекс наличных средств речевого отрезка: помимо языковой информации, важна контекстуальная, ситуативная, энциклопедическая информация, которой пользуются говорящие. Отсюда совершенно ясно, как сложно установить особенности сопряжения лексических и морфологических категориальных значений, а также способы и базу их взаимодействия.

Современная лингвистика сделала в этом направлении большой шаг вперед, поставив во главу угла функционально-семантические исследования. В рецензируемой монографии рассматриваются функционально-семантические связи морфологических категорий глагола, взаимодействующих со структурой предложения и общей семанти-

кой высказывания. Прежде всего это категории, связанные с разнообразными характеристиками протекания действия во времени, т.е. это комплекс аспектуально-темпоральных значений, выражаемых через глагол и с помощью глагола. Автор обращается при их описании к лексической семантике глаголов (к их предельным и неопредельным употреблением), к характеристике семантических типов предикатов.

Исследование Н.А. Козинцевой опирается на значительный языковой материал двух языков — армянского и русского, причем армянский язык является непосредственным объектом изучения, а факты русского языка используются для экспликации теоретических положений автора и при межъязыковом сопоставлении, чтобы показать специфику реализации категориальной семантики в отдельных языках и модификацию по языкам семантической константы.

Используемые автором понятия получают общелингвистическое толкование, поскольку ориентированы на разработку методов создания сопоставимых описаний разнотипных языков. В этом отношении автор привержен к тому типологическому направлению, которое связано с анализом морфологических категорий глагола и структуры предикатов, категорий, взаимодействующих с синтаксическими структурами. Это направление представлено у нас школой Холодоница — Храковского и знакомо по многим публикациям группы (ныне — лаборатории) типологических исследований Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), см. [1]

Монография Н.А. Козинцевой состоит из Введения, шести глав и Заключения. Насыщенная большим языковым материалом, она характеризуется четкостью и даже лапидарностью изложения взглядов автора и комментария языковых примеров. Автор учитывает важнейшую аспектологическую литературу на русском и иностранных языках, широко представлена и арменистическая литература.

Во Введении на фоне рассмотрения типов связей между грамматическими категориями (два аспекта: системно-парадигматические связи и функциональное синтаксическое взаимодействие) автор раскрывает свое понимание содержания категории временной локализованности, входящей, по современным представлениям, в круг аспектуальных категорий. Здесь автор опирается на трактовку последних как отражающих различные преломления общей идеи времени, что показано в работах Ю.С. Маслова (с. 5—6). Ю.С. Маслов в аспектуальных значениях видел так или иначе представленный "характер распределения действия во времени" [2]. Н.А. Козинцева принимает в целом эту идею и, используя данные других аспектологов, рассматривает временной семантический компонент как общий интегрирующий сегмент в системно-парадигматических связях категории локализованности/нелокализованности (далее — Л/НЛ) и других аспектуальных категорий (вид, таксис, предельность и др.). "Наличие общего семантического компонента в семантике сопряженных категорий объясняет устойчивость связей между определенными категориями в языках различных типов и ее универсальный или фреквентальный характер", — отмечает автор книги. Здесь речь идет о семантике или о семантических категориях, связанных с языковыми системами, однако их формальная реализация в языках может быть совершенно различ-

ной. Для этого могут существовать специальные категориальные показатели (тогда в оптимальном варианте следует говорить о морфологических категориях конкретного языка), широко используются лексические средства (очень часто различные обстоятельства), эта семантика может репрезентироваться из совокупных характеристик всех компонентов высказывания (предиката, его актанта и сирконстантов), возникать из ситуации общения и пр. Применительно к фактам армянского и русского языков следует говорить только о семантической категории Л/НЛ, или смысловой константе, поскольку в этих языках Л/НЛ не является морфологической категорией глагола, и, кроме того, сопоставляются разнотипные языки. В таком случае в каждом высказывании реализуется как бы "субкатегориальный" смысл — пространственно-временная локализация действия (точнее сказать, отдельного события или, что очень привычно, "ситуации"). Действительно, события так или иначе соотносятся в реальности с определенными пространственно-временными координатами, что и находит отображение в сфере языковой семантики (в разных языках некоторые из таких характеристик категоризируются в грамматических категориях), и неслучайно, что автор книги относит Л/НЛ к "наивной модели времени", ограждаемой языковой семантикой (с. 12). Если же поставить вопрос, о каком "времени" говорят аспектологи, то окажется, что это "время" весьма неоднородно: здесь и "внутреннее время самого процесса", время хронологической оси, время соотношения событий, время—интервал между событиями и т.п. Именно поэтому в монографии Н.А. Козинцевой и дается комплексная характеристика временных параметров высказывания на фоне локализованности событий; можно иначе: временная локализованность событий сопоставляется с другими ипостасями временных смыслов через способы их отражения в цельном высказывании (через "открытые" и "скрытые" категории) (с. 13).

Центральное понятие — локализованность/нелокализованность действия события в трактовке автора опирается на два семантических признака: 1) характер участка на оси времени (это — как бы ориентированная прямая, на которой помимо дат и отрезков длительности имеется также соответствующая моменту речи подвижная точка), с которым соотносится ситуация, и 2) референтный статус имен, обозначающих участников ситуации. В локализованных ситуациях субъектная именная группа кон-

хотно референтна, определенный уровень референтности отмечается и у других именных актантов. В нелокализованных ситуациях первый признак снимается и привязанность к пунктам временной оси точно не определима, а референтный статус именных актантов позволяет выделить здесь три типа ситуаций: генерализованные, характеризующие, итеративные. И если сравнить предложенное Н.А. Козинцевой толкование Л/НЛ с пониманием этой категории Э. Коппингемом, введшим это противопоставление в грамматику (30-е годы), то можно видеть, как обогатилось ее содержание благодаря усилиям многих аспектологов. В монографии Н.А. Козинцевой данная категория получает новое освещение в неожиданных функционально-семантических ракурсах. Среди последних — широкое использование понятия "точка отсчета" (время наблюдения) в связи с проявлением Л/НЛ события, когда допустимы или синхронность или ретроспективность времени наблюдения (этим связям отведена первая глава книги).

Референции имен в сфере предикатов (глагольных) корреспондируют признаки предельности и квантифицируемости, интегрированные в лексическое значение глагола. Выстраивается следующая связь: всегда только квантифицируемые предельные глаголы-предикаты передают дискретно локализованную на оси времени ситуацию, в этом случае устанавливаются достаточно жесткие связи указанных семантических компонентов в рамках высказывания (вариации зависят от видо-временной формы сказуемого). В отношении неопредельных и неквантифицируемых предикатов такие связи более подвижны и характеризуются значительным числом переходных случаев, которые тонко проанализированы в книге Н.А. Козинцевой, показана также сочетаемость с разными типами обстоятельств, а также роль дейктических уточнителей типа *aha* "ахот".

Проведенный в первых двух главах анализ видо-временных форм армянского глагола показал, что они, хотя и не являются морфологическими маркерами исследуемой семантической категории, достаточно четко сопряжены со смыслом прежде всего локализованности действия во времени. Так, имперфект допускает как ретроспективность, так и синхронность времени наблюдения, перфектные формы и аорист обычно ретроспективны, причем перфектные формы наблюдения фиксируют — это момент речи, а аорист указывает на его перемещение за очередными событиями. Неквантифицируе-

мые предикаты передают недискретно локализованные ситуации: интересно, что презенс указывает на ситуацию в расширенном настоящем, для прошлого используется имперфект; ср. "И друг друга стоят (*aržen*) моя усталость, этот рассказ, дорогая пачка сигарет" и "окно выходило (*hauim ēr*) на глубокое ущелье". Перфект же обозначает отнесенность неквантифицируемой ситуации ко всей области прошлого (плюсquam-перфект дает эффект отдаленности в прошлом); ср.: "Я всегда считала себя (*hamarej en*, сильным человеком" (с 25). Аорист относит событие к конкретному моменту или отрезку времени, причем возникает семантика локализации с дополнительными оттенками начинательности [ср. "Она возмечала (*atec*)"] или ограниченной длительности [ср.: "Вы прожили (*aricik*) без меня..."]

Многообразны связи Л/НЛ с семантикой многократности. Мультипликативность может выражаться в армянском лексически глаголами и грамматически — производными формами с суф. *-at-*, *-ot-*, *-t-* и др. и редупликацией корня. Имперфективные формы от мультипликативов передают процессность, аорист часто имеет оттенок начинательности или ограниченности. Особую семантику показывают временные формы от звукообразных глаголов: презенс и имперфект от них дают семантику локализованных однородных действий ["Роса капала (*katim ēr*)"; "Ветви ударяются (*zarkvum en*)" и т.п.], аорист передает семантику фактивности ["Капля ударила (*mirakec*)"]. В предложениях с такими глаголами велика роль обстоятельств длительности и кратности. Признаки итеративности и Л/НЛ относительно независимы, но и они, как показано Н.А. Козинцевой, могут сопрягаться в высказывании (при обстоятельствах и/или в контексте). В армянском языке противопоставление "единичность/итеративность" находит грамматическое оформление только в парадигме результативных форм, в них используется вспомогательный глагол *linel* "быть/бывать" ["Они всегда сидят (*en nstaq linim*) здесь"]. В таких конструкциях значительна роль референтного статуса именных групп. Вообще презенс и имперфект связаны с итеративностью, а аорист — со счетом действий.

Третья глава книги посвящена анализу проявления Л/НЛ в конструкциях с модальными значениями возможности и необходимости. Автор показывает, что Л/НЛ иерархически старше, чем модальные оппозиции (модальная рамка). Здесь также семантически сильной оказывается позиция локализованности, где проявляется достоверность высказывания. С нелокализован-

ностью связаны оттенки возможности — умение, потенциальность и пр. Оттенки необходимости менее связаны с Л/НЛ. Мы видим зависимость выбора модальности от последнего значения. Однако вопрос об иерархичности категорий глагола, поднятый в данной главе, имеет типологическую значимость, и видимо, требует проверки на материале других языков. Модальность желания рассматривается в четвертой главе монографии. Оказывается, что с признаком Л связано только копативное значение, в остальных случаях подтипы желания совместимы и с Л и с НЛ. В армянском языке они реализуются на лексическом уровне и формами желательного наклонения либо в независимом предложении, либо в придаточных условиях, цели и при глаголах желания.

Большой интерес (особенно в типологическом плане) представляет анализ реализации признаков Л/НЛ в императивном высказывании, поскольку они проявляются в обоих составляющих повелительной ситуации: акте волеизъявления и акте каузируемого действия. Если акт волеизъявления локализован, то каузируемое действие может быть Л/НЛ, а если первый параметр не локализован, то действие может быть только НЛ (за счет обобщенности субъекта). В зависимости от этих комбинаций и при активном участии различных обстоятельств императивные формы армянского глагола приобретают тонкие оттенки значений, которые детально показаны автором книги, среди них назовем пермиссивность, итеративность, генерализованность, где проявляются подзначения совета, разрешения, рекомендации, призыва, запрета и пр. Сопоставляя эту главу с двумя предшествующими, можно видеть, как категория Л/НЛ флуктуирует в высказываниях, обладающих различными модальными рамками квалификации сообщаемого.

Совершенно по-новому подходит Н.А. Козинцева к описанию временного отношения между действиями, или таксисных, выраженных только грамматическими средствами (лексические в книге не рассматриваются). Автор значительно расширяет репертуар неличных форм глагола, подчиненных предикатным словам: сюда включаются также формы творительного падежа инфинитива, результативные причастия, процессные причастия (причастно-дееспричастные формы). Традиционно они в арменистике рассматриваются как обстоятельственные формы. Такая трактовка представляется автору работы явно недостаточной, поскольку тогда не учитываются деривацион-

ные связи осложненного предложения (соотношения между зависимыми и независимым предикатами). Н.А. Козинцева в данной главе основное внимание сосредоточивает на характеристике зависимых таксисных отношений и их связей с семантикой Л/НЛ. Важно отметить, что причастные формы — аспектуально маркированы, а инфинитивная форма лишена этого признака: выступая в функции подчиненного сказуемого, она передает второстепенное динамическое действие с семантикой сопутствия или обусловленности как при Л, так и при НЛ ситуации. В конструкциях с причастными формами выражается одновременное состояние, предшествующее действие, обусловленность и сопутствие. В монографии дается подробный анализ реализации указанных значений, зависящей от семантики глагола, самой формы подчиненного предиката и от видо-временной формы основного сказуемого, а также лексических обстоятельств, по-разному реагирующих на значение Л/НЛ. Прделанная автором реинтерпретация морфологических форм и синтаксических конструкций способствует, несомненно, совершенствованию грамматики армянского языка.

Монография Н.А. Козинцевой служит хорошим примером анализа семантической категории в языке (или в языках — прибавляя русский язык), проявляющейся в высказывании, не имеющей при этом опорной (специализированной) грамматической категории. Здесь показано, что семантика Л/НЛ действия во времени выступает сама объединяющей основой, на которой взаимодействуют другие, прежде всего аспектуальные значения, реализуемые уже через особые категории (например, видо-временные формы, причастно-дееспричастные формы и пр.), а также и через аспектуальное содержание самого глагола (предельность/непредельность). Таким образом, мы видим переплетение категориальной грамматической (морфологической) семантики, лексической семантики, некатегоризованной семантики и даже "неязыковленного" ситуативного смысла. Представляется, что в таких условиях желательнее четкое терминологическое разведение указанных семантических признаков (в общем плане — разграничение "смыслов" и "значений"). К сожалению, автор книги часто пользуется обобщенным термином "значение" (или просто "семантика"), тем самым снимается неоднородность и разноречивость анализируемой "семантики", то, что принадлежит содержанию грамматической системы и содержанию текста (или же реальной ситуации). Нам кажется, что для

всех типологических работ подобная терминологическая точность и последовательность совершенно необходимы (хотя многие из них и страдают именно отсутствием этого). Выше уже говорилось, что хорошо бы точнее определить, что такое "наивная модель мира" и тем более "наивная модель времени". В каком сознании они родились — в индоевропейском, общечеловеческом, на каком этапе осознания мира (где циклическая временная картина мира?), так ли универсальна линейная модель времени? На эти вопросы, конечно, требуются ответы, но данная проблематика, естественно, выходит за рамки рецензируемого исследования, которое претендует занять достойное место в отечественной арменистике и демонстри-

рует продуктивность функционального подхода к языку и успехи сравнительной типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храковский В. С., Оглоблин А. К. Группа типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР: Теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы // ВЯ. 1991. № 4.
2. Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида // Вопросы сопоставительной аспектологии Л., 1978

Маслов Д. М.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Идеи создания машинных языковых фондов практически стали достоянием лингвистики многих стран. Эти фонды по-разному организованы и служат разным задачам, в основном прикладным, т. е. мыслятся всегда как нечто вспомогательное для науки. Однако в предлагаемых вниманию читателя изданиях¹ представлен совершенно новый подход в машинному фонду: он является объектом собственно лингвистического исследования и проанализированным источником богатства нашей звуковой базы.

Мысль о подобном издании возникла как бы спонтанно 12 декабря 1987 г

Группа ученых из Москвы, Ленинграда (ныне С.-Петербурга) и Бохума (Германия) встретились в Институте русского языка АН СССР (РАН), чтобы совместно обсудить создание звукового фонда русского языка и его издание. Предпосылкой этого, в частности, стали выход в Москве в 1986 г. книги Ю. Н. Караулова "Машинный фонд русского языка" и создание в Германии системы программ САП-СОНА.

Вполне естественным явится решение о создании общего издания, обеспечивающего оптимум информации для всех заинтересованных лиц. Смысл публикации — не только лингвистический аспект собранного материала, но и отчасти рекламный — показать, что уже есть и на что может быть сделан запрос с целью получения материала для более подробных исследований.

Бюллетень выходит примерно раз в год. Редколлегия его расширяется, и уже несомненно — он нужен, и нужен гораздо большему числу лиц, чем это казалось вначале. У Бюллетеня два главных редактора: проф. Л. В. Бондарко (С.-Петербургский университет, СНГ) и проф. Х. Заппок (Рур-Университет, Бохум, Германия).

Первый выпуск Бюллетеня представляет собой как бы ответ на два вопроса:

¹ Бюллетень Фонетического фонда русского языка № 1. Июль. [Bochum], 1988, 78 с.

Бюллетень Фонетического фонда русского языка № 2. Февраль [Bochum], 1989, 110 с.

Бюллетень Фонетического фонда русского языка. № 3. Февраль [Bochum], 1990, 119 с.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1: Севернорусские говоры: Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка. Москва: Бохум, 1991, 245 с.

Музыкально-поэтические жанры Севера России (Архангельская область): Приложение № 2 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка. С.-Петербург: Бохум, 1991, 101 с.